

ОТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГНЕЗДА К ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ: К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В соответствии с синергетическим принципом современной науки в статье предлагается один из путей динамического описания лексической системы русского языка в виде построения гнездового диахронического словаря нового типа. С этой целью дается классификация типов лексических гнезд с точки зрения эволюции их состава в истории языка: словообразовательное, корневое и этимологическое гнезда, генетическая парадигма.

За последние десятилетия лингвистика пришла к снятию искусственного противопоставления синхронного и диахронического аспектов. Изменчивость языка предполагает и предопределяет его изучение как *динамической системы*. Представление языка в виде системы или множества различных структур, охватывающих взаимозависимые элементы соответствующих уровней, способствует планомерному научному проникновению в сущность языка и его внутреннюю природу, раскрытию все новых причинных зависимостей между его компонентами, построению логически стройных лингвистических теорий, позволяющих воспринять в легко обозримой форме тот или иной аспект языка во всей его сложности как некую целостность.

Логическим продолжением системно-структурного принципа является *новая парадигма современной науки – синергетика* (от греч. *synergetikos* ‘совместный’) – наука, изучающая явления синергизма. *Синергизм* – комбинированное действие компонентов самоорганизующейся системы; научная концепция целостного восприятия мира и отдельных систем. Этим древнегреческим словом в 1969 г. Герман Хакен, профессор Штуттгартского университета и директор Института теоретической физики, предложил обозначить совокупный, коллективный эффект взаимодействия большого (очень большого, «огромного») числа подсистем, приводящий к образованию устойчивых структур и самоорганизации в сложных системах.

Синергетика изучает открытые (обменивающиеся веществом и энергией с внешним миром, иными словами, имеющие источники и стоки энергии) нелинейные (описывающи-

еся нелинейными уравнениями) системы. Предмет синергетики – механизмы самоорганизации, т.е. механизмы самопроизвольного возникновения, относительно устойчивого существования и саморазрушения микроскопических упорядоченных структур, имеющие место в такого рода системах. Одним из следствий междисциплинарного диалога стало зарождение в конце XX века *лингвосинергетики* на основе идеи И.Р. Пригожина¹ о конвергенции (сближении) мира человека и мира окружающей его природы. Синергетика как новое мировидение ликвидирует пропасть между этими двумя мирами, ибо устанавливает общие механизмы самоорганизации, присущие и тому и другому. Тем самым наука, в том числе и естествознание, становится гуманитарной, очеловеченной, а сложному миру человеческой субъективности, в свою очередь, не чужд научный – синергетический – подход. Основы лингвосинергетики на сегодняшний день представлены в статьях и монографиях и продолжают обсуждаться на страницах периодических сборников [2; 7; 8; 10; 12; 19 и др.].

Итак, «синергетика представляет собой современную теорию эволюции больших, сверхсложных, открытых, термодинамически неравновесных, нелинейных динамических систем, обладающих обратной связью и существующих квазистационарно лишь в условиях постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой. К таким системам относятся: Вселенная, саморазвивающаяся природа, человеческое общество как ее (жизни) высшая форма и продукт создаваемой им самим (человечеством) материальной и духовной культуры» [9, с. 8].

¹ Илья Романович Пригожин – бельгийский физик и физикохимик, директор Международного института физики и химии в Сольве, один из основоположников термодинамики необратимых процессов, родился в России в 1917 г., в 1929 г. эмигрировал в Бельгию, получил Нобелевскую премию в 1977 г., с 1982 г. является иностранным членом РАН.

Синергетическая парадигма – модель познания развивающегося мира, адекватная его (мира) нелинейности и другим названным выше характеристикам, ориентированная на гуманитарные ценности в научных размышлениях. В исследованиях последних лет больший акцент делается на синергетику информационных процессов, иначе – на информационную синергетику, в частности – на *синергетическую семиотику*. Высшие формы информационно-семиотического обмена реализуются в языках человечества и его культуре. *Слияние синергетической и антропоцентрической парадигмы в лингвистике* поможет, на наш взгляд, по-новому взглянуть на языковую систему и ее подсистемы, в частности, на такой сложный ее компонент, как лексический состав языка, который являет собой пример сверхсложной, многокомпонентной, динамической, открытой, саморазвивающейся системы, находящейся в сложном взаимодействии с внешней средой – окружающим миром, отражаемом в языке.

Подход к словарному составу языка как явлению системному можно считать традиционным для русской лексикологии. Одним из способов группировки лексики как объекта системного изучения является *лексическое гнездо* (общность однокоренных слов), в составе которого слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. Из этого следует, что при гнездовании слов, включающем операции определения синхронных границ гнезда и установления состава однокоренных слов, возникает необходимость в разграничении синхронного и диахронического подходов к словообразованию в силу того, что словообразование является своего рода диахронией в синхронии на всех этапах развития языка.

В синхронном плане лексическое гнездо представляет собой совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации, т.е. является *гнездом словообразовательным* (СГ). Однако не все однокоренные слова составляют СГ. Нельзя не признать правомерным предлагаемое А.Н. Тихоновым [20] разграничение словообразовательных и корневых гнезд. *Корневое гнездо*

(КГ) можно определить как общность однокоренных слов, состоящую из двух и более СГ, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определенную близость, но утратившие на данном (синхронном) уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса *деэтимологизации*.

Явлению деэтимологизации в русском языке посвящены работы Л.А. Булаховского и Т.Г. Аркадьевой [1; 4; 5], в которых рассматриваются условия и признаки разрыва этимологических связей слов, формирования категории этимонов (т.е. слов, переживших деэтимологизацию), анализируются семантические, словообразовательные и структурные характеристики этимонов, выявляются предпосылки вторичных словообразовательных и лексико-семантических микросистем.

«Одно слово, т.е. некоторый звуковой комплекс и социально принадлежащие ему значения как продукт психологической обработки ряда смысловых элементов, ставших единым целым, – пишет Л.А. Булаховский, – деэтимологизируется, т.е. перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного гнезда, становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [4, с. 345]. Отсюда следует, что деэтимологизация есть результат процесса утраты первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда (ЭГ). Для деэтимологизации характерно и существенно то, что она является следствием исторических изменений в слове, результаты же ее представлены в современном языке.

Определение сущности деэтимологизации строится с ориентацией на те отношения между словами, которые складываются с разрушением деривационных связей, когда мотивированность, создаваемая отношением производного к производящей основе и аффиксам, утрачивается и распадается одна из осей семантики слова – глубинная структура его лексического значения. В результате деэтимологизации становится возможным образование

новой микросистемы, в которой деэтимологизированное слово выступает начальным членом словообразовательного ряда, например: совр. рус. *смородина*, образованное от утратившегося *сморода*, вследствие семантических преобразований деэтимологизировалось от СГ с вершиной *смердети*, в результате чего в современном русском литературном языке слова *смородина* и *смердеть* образовали два самостоятельных СГ.

Таким образом, КГ возникает в результате выхода исходного слова СГ из активного употребления. Это приводит к тому, что слова первой ступени словообразования остаются без производящего, которое является общим для всего ряда производных данной ступени. Вследствие этого каждое производное слово первой ступени само становится исходным словом самостоятельного СГ. Так на базе одного гнезда в результате его распада возникает столько СГ, сколько было в нем производных на первой ступени словообразования, например: в результате выхода из активного употребления, а затем полной утраты глагола *оути* 'натягивать, надевать', который в др. рус. языке являлся вершиной СГ (*ути* > *обути* > *обувь*; *ути* > *разути*), в совр. рус. его производные первой ступени деривации образовали самостоятельные СГ с вершинами *обуть* и *разуть*. Следовательно, с учетом всех изменений (фонетических, морфологических, семантических), происшедших в гнезде на протяжении его исторического развития, лексическое гнездо является гнездом этимологическим.

Этимологическое гнездо (ЭГ) – это иерархически организованная по принципу СГ группа слов родственных языков (в широком понимании) или одного языка (в узком понимании), включающая все когда-либо существовавшие на протяжении истории данных языков (или данного языка) рефлексы определенного реконструированного для праязыка-основы корня, по отношению к которым возможно предположение о генетической общности. Иначе говоря, слова, утратившие смысловую общность, образуют разные словообразовательные гнезда на определенном уровне развития языка и входят в одно ЭГ. Например, выход из употребления в др. рус. языке слова

имати 'брать, хватать' повлек за собой образование в совр. рус. множества самостоятельных СГ, возглавляемых некогда производными от этого глагола – *внимать*, *вынимать*, *занимать*, *изымать*, *нанимать*, *отнимать*, *поднимать*, *понимать*, *принимать*, *приятный*, *снимать*, *унимать* и др., которые образуют одно КГ вокруг связанного корня -им-. Учитывая, что др. рус. глаголы *имати* и *имѣти* (совр. *иметь*) являлись дериватами праславянского корнеслова *eti / *jьmati (*имати* 'брать, хватать', *имѣти* 'обладать тем, что взято, схвачено'), словообразовательные производные от этих глаголов образуют одно ЭГ, ведущее свое начало от индоевропейского корня *jьm-.

Реконструкция ЭГ, таким образом, всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т.п.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов, ср. такие деэтимологизированные пары, как *белый* – *белье*, *бог* – *богатый*, *брат* – *брак* 'супружеские отношения', *вести* – *вязать*, *ветхий* – *ветчина*, *вить* – *вилы*, *голубой* – *голубь*, *гореть* – *горе*, *грести* – *грабить*, *грести* – *гроб*, *грусть* – *груда*, *давать* – *дарить*, *изъять* – *изящный*, *кора* – *коричневый*, *лопасть* – *лопата*, *мех* – *мешок*, *морочить* – *мрак*, *мыть* – *мыло*, *око* – *окно*, *печь* – *печень* – *печаль*, *пить* – *пиво*, *расти* – *роща*, *рыть* – *рыло*, *светить* – *свет* – *свеча*, *творог* – *ватрушка*, *уши* – *внушить* и принадлежавшие упомянутому выше ЭГ лексемы *иметь*, *изящный*, *паук*, *приятель*, *необъятный*, ведущие свое начало от праславянского корня *em-, описанные автором статьи в кандидатской диссертации и последующих публикациях [13 – 17].

Наблюдения за развитием синонимичных ЛГ *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать, взять' в истории русского языка позволили разработать на конкретном материале **методику реконструкции состава ЭГ**. Она включает следующие операции:

– выборку данных об исследуемых корнях из этимологических словарей русского языка, определение их семантики, фонетических вариантов и соответствий в родственных славянских языках;

– анализ словообразовательных гнезд с этими корнями, представленных в современных

словообразовательных и морфемных словарях, на предмет выявления наиболее продуктивных для них способов деривации и наиболее частотных фонетических и графических вариантов этих корней;

– обращение к толковым словарям современного русского литературного языка с целью семантического описания компонентов СГ;

– выборку из фразеологических и диалектных словарей с целью дополнения состава ЭГ словами разговорно-обиходными и устаревшими, ибо известно, что в народных говорах «...старинные явления и особые черты определенного языка, восходящие к более ранним периодам его развития, часто более точно отражены или даже лучше сохранены, чем в современной литературной разновидности данного языка» [3, с. 43];

– выборку из исторических словарей русского языка и этимологических словарей славянских языков с целью реконструкции состава ЭГ для более ранних периодов развития русского языка (праславянский язык, русский язык XI – XIV вв., конца XIV – XVII вв., XVIII в.);

– восстановление словообразовательных гнезд с исследуемыми корнями применительно к древнерусскому и праславянскому состоянию в соответствии с отношениями словообразовательной производности и семантической мотивированности входящих в гнезда слов;

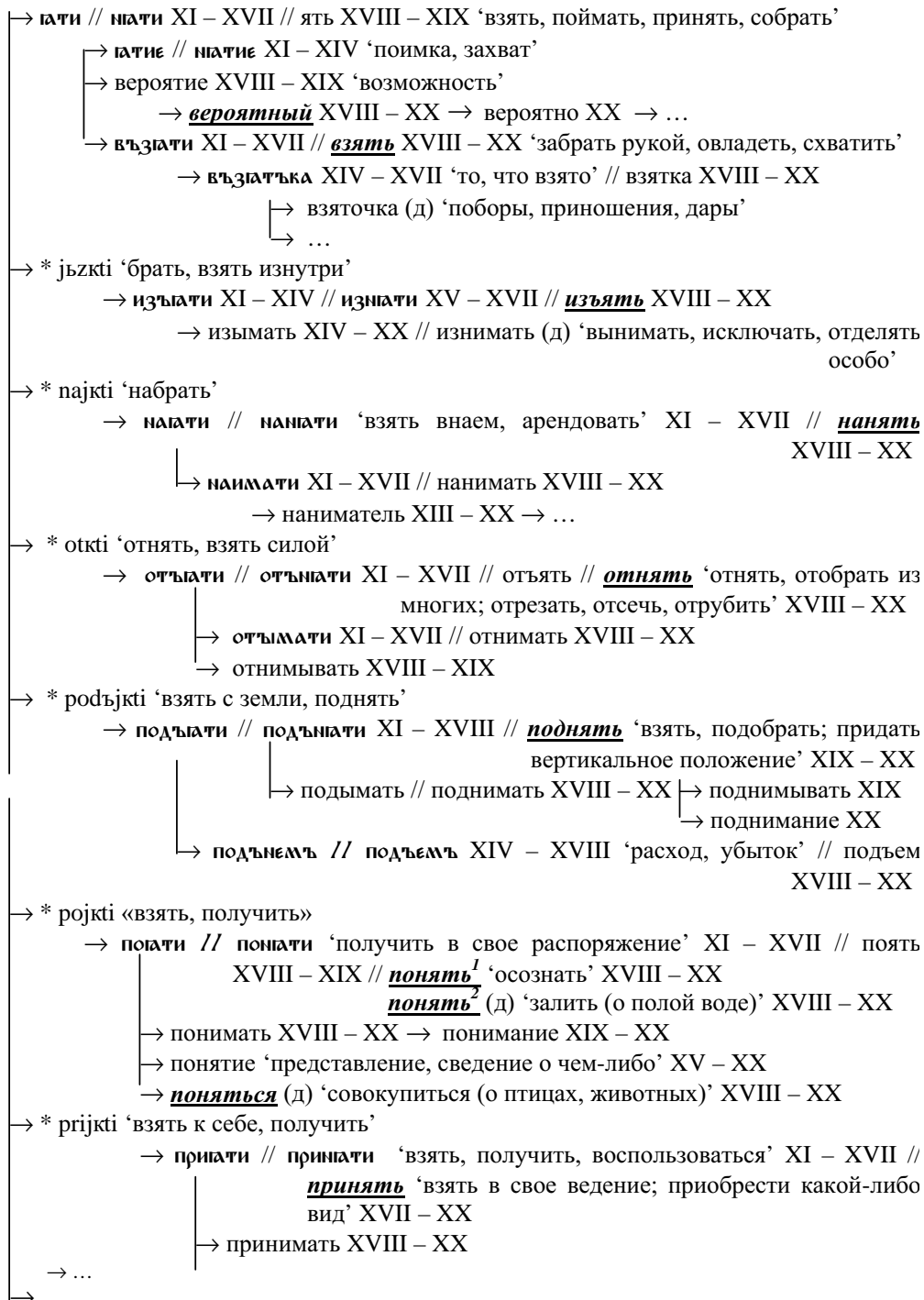
– обращение к данным толковых, исторических и этимологических словарей родственных славянских языков для пополнения ЭГ словами, претерпевшими существенные изменения в своей фонетической, словообразовательной и семантической структуре и не вошедшими в состав анализируемых СГ на современном уровне;

– реконструкцию методом заполнения «пустых клеток» незафиксированных исторически словарями лексем на основе сопоставления тождественных по структуре СГ, принадлежащих исследуемым корневым группам.

Наблюдения за развитием лексических гнезд *em- и *ber- ‘брат, взять’ в истории русского языка с использованием данной методики позволили восстановить этимологические гнезда с этими общеславянскими корнями. В качестве примера приведем небольшой фрагмент ЭГ *em-, построенного в виде диахронического словообразовательного словаря.

Диахронический словообразовательный словарь представляет собой ЭГ, построенное с соблюдением следующих принципов: 1) вершина гнезда – реконструированный для праславянского уровня языка этимон со ссылкой на более древнее происхождение, если это установлено; 2) на первой ступени деривации производные расположены в следующем порядке: глаголы, отглагольные имена, причастия, префиксальные глаголы, сложные слова; внутри указанных групп слова распределены по алфавиту; 3) при помощи двойного слэша отделены графические и фонетические варианты лексем; 4) рядом со словом дается цифровое обозначение времени его первой и последней фиксации в исторических словарях русского языка; 5) диалектная лексика помещена с пометой «д»; 6) подчеркнутые лексем образуют самостоятельные СГ в русском языке XVIII–XX вв.; 7) многоточие в структуре приведенного в качестве примера ЭГ означает пропуск компонентов, выпущенных в целях экономии места (см. фрагмент словаря на с. 7).

Анализ ЭГ в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей слов, очень актуален также с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих СГ в этимологическое. Причины этих разрывов и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же СГ очень многообразны. Многими этимологами [4; 6; 11; 21] было отмечено, что при распаде единого СГ на несколько обособившихся групп слов вследствие процесса деэтимологизации этот разрыв почти никогда не бывает полным – бывшее единство не исчезает бесследно. О наличии былых словообразовательных связей с некоторого времени самостоятельных групп слов свидетельствуют производные образования, внешняя форма которых повторяет фонетический облик одной группы, а значение «заимствует» у другой отделившейся группы слов. Например: по происхождению слово *изящный* связано с общеславянским глаголом *jъzęti (ср. ст.-слав. *изъати* ‘извлечь, изъять, вынуть’, русск. *изъять*), который, в свою очередь, является префиксальным производным от праславянского корнеслова индоевропейского происхождения *jęti (*jъmo), обозначающего действие приобщения объекта

Индоевропейский корень *em- → праславянский глагол *jki*** jki «брать, взять»¹**

¹ Вследствие того, что в процессе реконструкции словарного состава языка наиболее сложную проблему представляет реконструкция значений слов, можно лишь предположительно указать основной семантический признак в структуре значения праславянского слова.

‘братъ, хватать’. Основа *jъz-ε-t-j-ъп- с необычным сочетанием -tj- вместо -t- образовалась под влиянием форм причастий настоящего времени на -ε-t-j- : -o-t-j-. Таким образом, модель развития семантики слова *изящный* в истории русского языка можно представить в следующем виде : ‘братъ, хватать’ → ‘братъ изнутри чего-либо, вынимать, выбирать’ → ‘выбранный; избранный’ → ‘составляющий исключение, необыкновенный, т.е. такой, которого можно выбрать, выделить из ряда подобных по особым, исключительным признакам’ → ‘отличающийся утонченной соразмерностью форм, отвечающий требованиям тонкого художественного вкуса’ → ‘то, что соответствует представлению об утонченной красоте, что воплощает красоту’. Причем эту семантическую модель можно считать языковой универсалией, по крайней мере, для ряда индоевропейских языков, ср. латин. *eximius* ‘превосходный; составляющий исключение’, образованное от *eximo* < *ex* – *em* – *o* ‘вынимаю’, отсюда же *exemplum* ‘образец’; франц. *elegant* ‘элегантный’ от латин. *eligo* < *e(x)+lego* ‘вырываю, выбираю’.

Подобные образования хронологически предшествуют разобцению этимологически связанных лексических групп. Это еще раз подводит к заключению о необходимости динамического исследования семантики всего массива генетически близкой лексики, составляющей ЭГ, тем более что сама постановка и рассмотрение вопроса деэтимологизации – доказательство теснейшей связи диахронического и синхронического аспектов в изучении лексических гнезд. В результате деэтимологизации гнезда, объединявшие лексические единицы на основе словообразовательных связей, претерпевают изменения, которые приводят, с одной стороны, к полному распаду СГ и превращению его в корневое гнездо или, с другой стороны, к выпадению из состава СГ отдельных членов, продолжающих в дальнейшем самостоятельное развитие или отходящих в пассивный словарный запас языка.

Динамический (синхронно-диахронический) подход к изучению семантической структуры всего лексического гнезда дает возможность проследить его функционирование в истории языка и объяснить многие факты его современного состояния. В этой связи нельзя не процитировать статью Л.А. Сергеевой: «В рамках когнитивного подхода семантические поля

оказываются недостаточно исчерпывающими для описания ментального лексикона, нужны более крупные объединения слов, отражающие, помимо общности различных типов сем, и тезаурусные связи слов, свидетельствующие о различных закономерностях когнитивной обработки данных о реальной действительности и психическом мире человека» [18, с. 150].

Действительно, в историческом развитии лексического состава языка можно обнаружить еще более крупные системные образования, чем ЭГ. Так, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики лексических гнезд *em- и *ber- ‘братъ, взять’ была обнаружена генетическая связь их значений с семантикой лексических гнезд *dъf- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих лексических гнезд, мы назвали *генетической парадигмой*. Опорные слова этого ряда (*давать* > *дать* > *братъ* > *взять* > *иметь* > *нести* > *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: ‘приобщаемый объект’ и ‘действие субъекта, направленное на приобщаемый объект’. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dъf- имел значения ‘дать/давать’, ‘братъ’, ‘нести’; и.-е. *bher- ‘нести’ (отсюда более поздние *бремя, беременя, беременя*) в праслав. развивает значение ‘братъ’, становясь синонимичным и.-е. *em- ‘братъ/взять’, который позднее приобретает значение ‘иметь’, существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории русского и родственных славянских языков.

Так, наличие дополнительной семы ‘нести’ отмечено в значениях глаголов корневой группы *em- ‘братъ, взять’: *снять* ‘покинуть какое-либо место, отправляясь в путь’, разг. ‘поехать, пойти в каком-либо направлении’; болг. *добера се* ‘добраться, дойти, доехать’, *емна, поема* ‘отправиться куда-либо’; польск. *dobracь sie* ‘добраться’, *przebrać sie* ‘пробраться’, *zabrać sie* ‘собраться, уйти, отправиться, убраться’. Ср. также проявление семантики ‘перемещение в пространстве’ в современном СГ с вершиной *нести*: *вознестись* ‘высок’, ‘подняться вверх, ввысь’, *донестись* разг. ‘быстро доехать, домчаться’, *нестись* ‘очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться’, *перенестись* разг. ‘стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-либо, куда-либо; примчаться’; *пронестись* ‘быстро

пройти', *унестись* 'быстро удалиться, умчаться', а также в невозвратных формах *донести* 'быстро донести, доставить, домчать', *нести* 'стремительно передвигать, мчать'.

Рассмотрение изменений, которые происходят в процессе развития лексической системы языка, делает генетическую парадигму важным объектом исторической лексикологии. Именно в крупных лексических объединениях могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменения соотношений сфер употребления слов, их функциональная стратификация, то есть все те изменения, которые происходят в лексической системе языка. Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка русской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всем протяжении их существования в

составе генетической парадигмы. Можно надеяться, что намеченные пути динамического (синхронно-диахронического описания) больших сверхсложных лексических систем будут способствовать обнаружению еще непознанных закономерностей развития и функционирования лексики русского языка, помогут объяснить утрату в языке тех или иных слов и наметить возможные перспективы пополнения лексической системы новыми единицами. Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (генетических парадигм) актуально и в синхронном, и в диахроническом планах. В синхронном аспекте лексическая система может изучаться с целью описания ее применительно к какому-либо определенному периоду исторического развития языка, в диахронии – с целью воссоздания процесса развития этой системы от древнейших эпох до современного состояния.

Список использованной литературы:

1. Аркадьева Т.Г. Преобразования этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Л., 1990. 55 с.
2. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / РАН, Ин-т философии. М.: Наука, 1999. 131 с.
3. Бирнбаум Х. О степени доказательности диалектизм-архаизмов (на материале славянских языков) // Русское и славянское языкознание / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1972. С. 43 – 48.
4. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Избранные труды: В 5-ти т. Т. 3. Славистика. Русский язык. Киев: Наукова думка, 1978. С. 340 – 355.
5. Булаховский Л.А. Типы деэтимологизации в русском языке // Избранные труды: В 5-ти т. Т. 3. Славистика. Русский язык. Киев: Наукова думка, 1978. С. 356 – 379.
6. Варбот Ж.Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд // ВЯ. 1967. № 4. С. 67 – 74.
7. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. 230 с.
8. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. 120 с.
9. Копчик В.А. От редактора // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 7 – 14.
10. Лингвосинергетика: Проблемы и перспективы: Материалы первой и второй школы-семинара. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000, 2001.
11. Мельничук А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология 1967 / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1969. С. 57 – 67.
12. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. 235 с.
13. Пятаева Н.В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- 'брать, взять' в русском языке. Дисс. канд. филол. наук. Уфа, 1995. 350 с.
14. Пятаева Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- 'брать, взять' в истории русского языка // Этимология 1994 – 1996 / Отв. ред. академик О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1997. С. 140 – 147.
15. Пятаева Н.В. К проблеме разработки методики динамического исследования лексической системы русского языка // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской конф.: В 3-х т. Т. 1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. С. 170 – 176.
16. Пятаева Н.В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике (к проблеме квалификации и классификации) // Филологический класс. Екатеринбург, 2003. № 9. С. 42 – 49.
17. Пятаева Н.В. Историко-генетический подход в лексикологии А.А. Потемни и проблемы изучения лексической системы древнерусского языка // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. № 631. Серия «Филология». Харьков, 2004. С. 17 – 21.
18. Сергеева Л.А. Теория поля и когнитивная научная парадигма // Теория поля в современном языкознании: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. С.Г. Шафиков. Уфа: Изд-е Башкирского гос. ун-та, 2001. С. 145 – 153.
19. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
20. Тихонов А.Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов // Восточнославянское и общее языкознание / АН СССР, ин-т русского языка / Отв. ред. Г.И. Белозерцев. М.: Наука, 1978. С. 270 – 273.
21. Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология 1984 / Отв. ред. академик О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1986. С. 205 – 211.